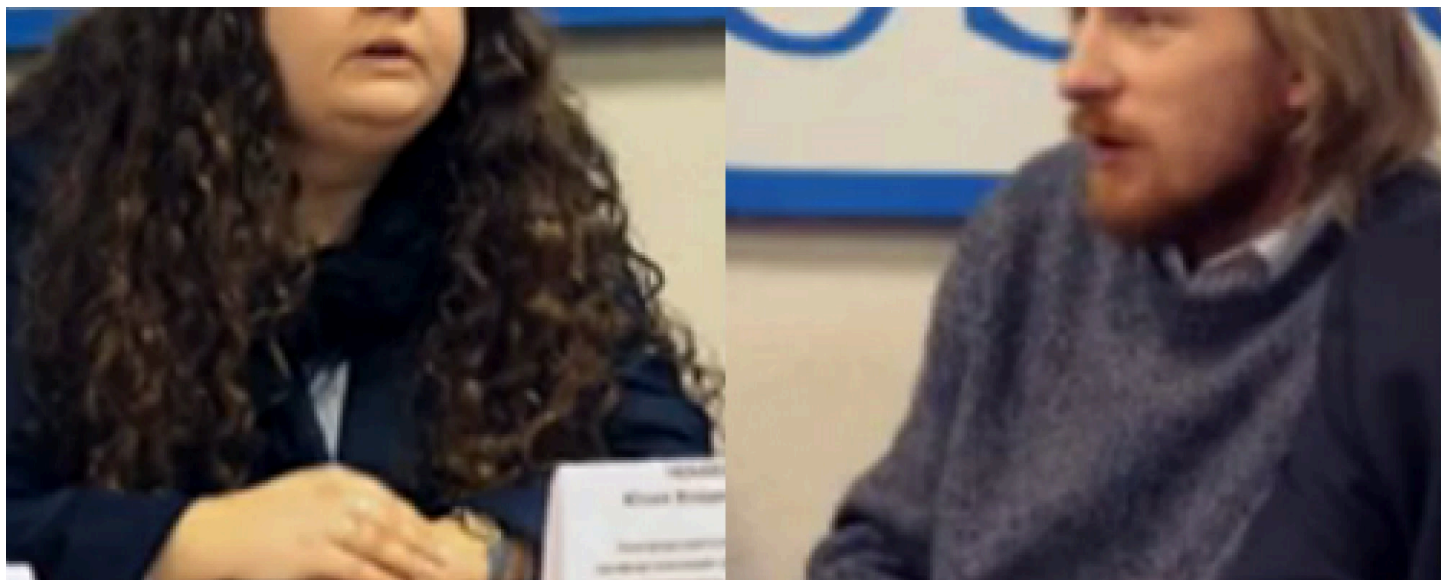

Юлия Чебакова и Алексей Паршуков. Коллаж из кадров YouTube

03.02.2015, 14:40 Москва

СТАТЬИ

Медвуз против профсоюза: конфликт приводит в ОВД

19 января в Гагаринском районном суде Москвы завершилась эпопея вокруг довольно странного задержания, произошедшего 29 октября 2014 года возле Российского национального исследовательского медицинского университета (РНИМУ) имени Пирогова. Тогда были **задержаны** трое членов профсоюза «Университетская солидарность». Двое из них — бывшие сотрудники РНИМУ Юлия Чебакова и Алексей Паршуков — раздавали листовки, посвященные преследованию членов профсоюза университетским начальством и новым приказам ректора Андрея Камкина, ужесточающим правила жизни студентов,

в том числе регламентирующим их внешний вид. Третий, Юрий Бределев, стоял рядом с фотоаппаратом. Еще одна бывшая сотрудница университета и член профсоюза, Руфина Харисова, находилась неподалеку, она проводила одиночный пикет, и ее не тронули. Началась эта история в конце 2013 года, когда в РНИМУ была создана первичная профсоюзная организация «Университетской солидарности». (Всего у этого профсоюза полтора десятка первичных организаций в разных вузах.) Как рассказала ОВД-Инфо Юлия Чебакова, о намерении создать профсоюз они оповестили коллег на ученом совете психолого-социального факультета, представили программу, объявили, что будут бороться за повышение оплаты труда, пытаться решать проблемы с уборкой в университете и пр. На учредительном собрании присутствовали 11 человек. Перед Новым городом новоиспеченный профсоюз подал ректору типовое уведомление о создании организации, с отсылками к законам и просьбой представить ряд документов, являющихся приложением к коллективному договору, но отсутствовавших на сайте университета, — в частности, положение о зарплате и положение о премировании. (Согласно закону об образовании, все дополнения к коллективному договору и сам коллективный договор должны быть в открытом доступе на официальном сайте организации.)

По словам Чебаковой, сразу после новогодних праздников декан факультета сообщил им, что ректор РНИМУ Андрей Камкин потребовал уволить всех, причастных к созданию нового профсоюза. После этого Алексей Паршуков, избранный председателем профсоюза, ходил к ректору на прием, и тот сказал ему: мол, один профсоюз в вузе уже есть, больше не нужно. Всех, кто присутствовал на учредительном собрании, заставляли писать заявления

о выходе из профсоюза под угрозой увольнения. «Прямо при нас заведующим кафедр говорили: собирайте объяснительные со своих работников», — рассказывала Чебакова. Вскоре одни члены нового профсоюза вышли из него, другие покинули вуз по собственному желанию, и в профсоюзе осталось всего трое человек, которые, по словам Чебаковой, и были самыми активными его членами — Алексей Паршуков, его заместитель Руфина Харисова и сама Чебакова.

«На нас пытались оказывать давление за счет установления особого режима работы, — рассказывает Чебакова. — Нам сказали, что мы должны все положенные 36 часов в неделю находиться на территории кафедры — в маленьком помещении, где стоят шкафы и есть пара компьютеров для того, чтобы лаборанты могли ведомости готовить. Естественно, это не место, где можно каждый день выполнять работу в течение восьми часов. Собственно, это никогда и не требовалось. Более того, нашими собственными внутренними документами университета не установлен график и не зафиксированы рабочие места, предполагается гибкий режим работы для преподавателя. Главное — чтобы работа осуществлялась 36 часов в неделю и были выполнены определенные обязанности по трудовому договору». В течение двух месяцев активисты «Университетской солидарности» были вынуждены работать в таких условиях. Они привлекли в проблеме внимание журналистов. В ответ ректор опубликовал открытое письмо оппонентам под названием «Грязная пена, или История о том, как можно злоупотреблять законами РФ» (на сайте вуза этот документ в настоящее время найти не представилось возможным). Из этого письма следовало, что активные члены нового профсоюза «решили, что они могут получать зарплату, но ни трудовое законодательство, ни локальные акты Университета к ним не относятся. Они могут позволить себе приходить на работу когда угодно

и уходить когда они хотят. На работе провести кое-как группу студентов и сразу уйти по своим делам. То есть вести жизнь «свободных художников». В финале письма говорилось, что «при повторных нарушениях эти лица будут попросту в 24 часа уволены».

В начале марта Чебакова была уволена за прогулы. «Так как я работаю на кафедре клинической психологии, я в момент вмененных мне прогулов находилась на клинической базе, работала по договору трудовому, а мне вменили, что я должна была читать занятия, хотя, на самом деле, не должна была», — объясняет она. Судебное разбирательство в двух инстанциях закончилось не в ее пользу. Чебакова утверждает, что вуз в суде использовать «очень много подложных документов». В связи с письмом ректора члены профсоюза подали иск о защите чести и достоинства, но тоже проиграли в двух инстанциях: суд посчитал, что в письме не было фактов, а были лишь субъективные оценочные суждения, которые не могут быть предметом защиты.

1 сентября Алексея Паршукова уволили с должности старшего преподавателя общей психологии и педагогики на основании того, что он не прошел конкурсный отбор. По словам Чебаковой, впервые за десять лет конкурс был не формальной процедурой, а соревнованием с привлечением кандидата со стороны. Члены профсоюза утверждают, что по их сведениям на кафедру сильно давили, чтобы она не рекомендовала Паршукова. При этом кандидат, который прошел конкурсный отбор и фактически занял место Паршукова, на эту работу так и не устроился. На тот момент Паршуков еще работал в лаборатории вуза по совместительству как научный сотрудник, однако в конце сентября у него перестал работать пропуск, в результате чего он не мог попасть на территорию университета, а спустя пять дней он получил телеграмму о том, что с ним расторгнут трудовой договор. «Ему даже не позвонили, не пригласили

с этим приказом ознакомиться», — возмущается Чебакова. В суде Паршуков указал на нарушение Трудового кодекса — конкурс был проведен через два года после предыдущего, а не через пять лет, как было положено по бессрчному трудовому договору, который вуз заключил с Паршуковым. Однако суд принял решение отказать ему в удовлетворении искового требования.

На Руфину Харисову составлялись акты, будто она не была на работе, после чего в течение трех месяцев не выплачивали ей большую часть зарплаты, полагавшуюся ей за научную работу, платили только за учебную нагрузку. 11 декабря ее тоже уволили за прогулы.

Столь острую реакцию на создание профсоюза Чебакова разными причинами. По ее словам, ректор РНИМУ в принципе «не терпит инициативы снизу» и был возмущен тем, что «неожиданно, его не спросив, с ним не согласовав, появился профсоюз, который еще и документы какие-то хочет получить». Кроме того, у ректора ранее был конфликт с председателем другого профсоюза, уже много лет действующего в вузе, с которым у ректора заключен коллективный договор. Этот профсоюз оспаривал выборы ректора, у них тоже постоянные, непрекращающиеся суды, председателя три или четыре раза уволили уже, каждый раз восстанавливали. Причем формально председатель был снят заседанием профкома, хотя по закону его может снять только профсоюзная конференция. При этом старый профсоюз Чебакова называет карманным — по ее словам, назначенный и.о. председателя выражает полное согласие с руководством вуза, а ректор, по некоторым данным, отдал распоряжение, чтобы ему было известно обо всех, кто входит в этот профсоюз, хотя не имеет права этого требовать. «Только он вроде один профсоюз как-то попытался сделать ручным, как вдруг какой-то новый, независимый, появляется, причем сразу 11 человек», — комментирует Чебакова.

Она предполагает также, что в истории с конфликтом между вузом и «Университетской солидарностью» имелаась и финансовая составляющая. В суде представители вуза почему-то заявляли, что в документах нового профсоюза якобы написано, что он будет проверять финансовые документы вуза. Чебакова предполагает, что они испугались слова «ревизор» в протоколе, составленном на учредительном собрании профсоюза. «Но ревизор — это человек, который проверяет деятельность профсоюзной организации, — объясняет она. — Видимо, у них есть какие-то проблемы и в связи с этим возникли опасения, что кто-то будет вмешиваться в их финансовую деятельность».

В ответ на давление и увольнение сотрудников члены профсоюза «Университетской солидарности» приняли решение привлечь внимание работников к ситуации, чтобы, по словам Чебаковой, «расширить свои ряды». Еще одним поводом для активизации деятельности стали два приказа ректора: о **внезапных и тотальных обследованиях студентов** «на предмет выявления в организме наркотических веществ или следов их употребления» (положительный результат анализа или отказ, согласно приказу, становился причиной для отчисления) и об **установлении единых требований к внешнему виду студентов и преподавателей**. Профсоюзные активисты подготовили информационные листки о происходящем в вузе, включающие правовой анализ этих приказов и призыв к объединению в рамках «Университетской солидарности». Рано утром 29 октября Юлия Чебакова и Алексей Паршуков встали возле входа в университет и стали раздавать студентам листовки. Как выяснилось, их там уже ждали. Позднее профсоюзным активистам удалось ознакомиться с рапортом, который за день до их выхода с листовками составил старший оперуполномоченный Центра по противодействию экстремизму Юго-Западного округа подполковник В. А.

Поляков: в рапорте говорилось, что «непосредственно перед студенческим входом в здание» вуза «планируется проведение гражданами несанкционированного пикетирования», в связи с чем означенный Поляков «с целью фиксации, а именно произведения аудио и фотосъемки, в отношении граждан, вынашивающих намерения по проведению несанкционированных агитационных мероприятий, полагал бы использовать собственный мобильный телефон». И действительно — некий человек (так и не удалось установить, был это Поляков или кто-то другой) фотографировал Чебакову и Паршукова, раздающих листовки, после чего забрал у Чебаковой паспорт.

Рапорт подполковника А. Полякова и фотография из материалов дела

Чебакова предполагает, что они со своей раздачей листовок «просто попались под руку». Дело в том, что приказ ректора, устанавливающий требования к внешнему виду студентов и преподавателей, вызвал большой резонанс, в том числе в мусульманском сообществе, поскольку среди прочего определял как недопустимую «одежду, указывающую на принадлежность к той или иной национальности или религии». В связи с этим исламский активист и блогер Али Чаринский в течение трех дней с восьми утра **стоял в одиночном пикете** возле здания РНИМУ, выступая против запрета на ношение студентками хиджабов, а также публиковал в блоге призывы, чтобы к нему присоединялись. По-видимому, информация о «намерениях по проведению несанкционированных агитационных мероприятий» возникла именно в связи с призывами Чаринского. 29 октября, когда были задержаны Чебакова и Паршуков, Чаринский тоже стоял возле здания, но у другого входа.

Чебакова полагает, что задержать профсоюзных активистов предложила представителям силовых ведомств служба безопасности РНИМУ — «потому что мы как кость в горле у вуза».

Неизвестный забрал у Чебаковой паспорт еще до того, как подошел Паршуков («То есть даже если бы это сочли пикетом, он был бы одиночный», — замечает Чебакова).

Он представился сотрудником уголовного розыска Потаповым (удостоверение он показал очень быстро, и Чебакова не успела разглядеть его данные) и заявил, что Чебакова подозревается в каких-то ранее совершенных преступлениях. Паршуков был задержан под тем предлогом, что у него не было при себе паспорта.

Присутствовавший там и фотографировавший оргсекретарь «Университетской солидарности» Юрий Бределев (не имеющий отношения к РНИМУ) попытался уехать на маршрутном такси, но «Потапов» не дал ему туда войти и заявил, что в отношении него может быть составлен протокол о неповиновении законному распоряжению сотрудника полиции. **Отбрали документы** у проходившей мимо девушки, взявшей листовку, однако затем приехавшие сотрудники полиции вернули ей документы и отпустили ее. Паспорта задержанных «Потапов», по словам Бределева, давал фотографировать охране университета. Подходили и к Чаринскому: он **пишет** в блоге, что сотрудники уголовного розыска пытались его прогнать его или задержать, предлагали проехать с ними, угрожали, но в итоге своего не добились.

А задержанных Чебакову, Паршукова и Бределева отвезли в ОВД «Обручевский» и потребовали писать объяснения. На лекции и конференцию не отпускали. Через некоторое время на Чебакову и Паршукова начали составлять протоколы по ч. 2 ст. 20.2 (организация либо проведение публичного мероприятия без подачи в установленном

порядке уведомления о проведении публичного мероприятия). При этом почему-то требовали указать место работы. По словам Паршукова, администрация РНИМУ **сообщила** полиции, что «Университетская солидарность» не является профсоюзной организацией. Полицейские **потребовали** от Чебаковой и Паршукова подписаться под требованием 30 октября явиться в суд (в какой суд и в котором часу, не сообщалось), но тем удалось договориться, что им пришлют повестки. Ни протокол задержания, ни протокол доставления составлены не были. В общей сложности задержанные **провели** в ОВД больше восьми часов.

Позднее выяснилось, что служба безопасности РНИМУ предоставила полиции большое количество документов, представляющих задержанных в дурном свете. «Видимо, у них была очень большая заинтересованность, чтобы создать нам какие-то неприятности», — предполагает Чебакова. Среди документов были заявления начальника службы безопасности о том, что активисты проводили пикет, «который порочит университет», а Чебакова и Паршуков привлекали студентов и посторонних лиц к распространению листовок (на каждого было составлено отдельное заявление). Прилагались и совсем не относящиеся к делу характеристики декана факультета, где работали активисты. Про Паршукова говорилось, что помимо «злостных нарушений трудовой дисциплины», «в конце 2013 г.... стали проявляться нарушения этического характера, деятельность антиправительственного характера, и демонстративное поведение, направленное против администрации Университета, наблюдались попытки вовлечения в эту деятельность студентов». Отдельно отмечалось, что Паршуков «неоднократно участвовал в митингах и пикетах, в частности, на Болотной Площади». О Чебаковой говорилось, что она всегда отличалась неисполнительностью, однако она попросилась

на должность замдекана, чтобы исправиться, но быстро потеряла интерес к этой деятельности и стала злостно нарушать трудовую дисциплину, в связи с чем была уволена. К делу приобщили также два свидетельских показания студентов факультета, которые писали, что им дали листовки, а также протоколы заседания университетского профкома и служебные записки и.о. председателя о том, что Чебаковой и Паршукову никто не давал задания раздавать листовки и что они не имеют отношения к профсоюзу, признанному официальным руководством.

Первое судебное заседание **состоялось** в Гагаринском суде 25 ноября. Чебакова и Паршуков потребовали вызвать в суд подполковника Полякова. Заседание было перенесено на 19 января. Поляков не явился, и активисты «Университетской солидарности» были приговорены к штрафам в три тысячи рублей.

Раздача листовок возле РГМУ имени Пирогова

1 **4**